

образе этносов и их культур — не это ли является и идеалом постмодернистского сознания, в своей критической версии отвергающего различного рода «центризмы»? Даже советский Модерн не смог осуществить унификации имперской культуры по западному образцу, а отчасти и сам способствовал ее диверсификации по национальному признаку. Для западного варианта Модерна также характерно стремление обеспечить сохранение целостности общественного сознания; но в Европе и Америке это осуществлялось путем его *унификации*, навязывания всем одних и тех же базовых культурных и идеологических стереотипов, введения всех социальных конфликтов в рамки публичной политики и представительной демократии. (То, что не вписывалось в рамки «системы», отсекалось столь эффективно, что не случайно на исходе Модерна Маркузе с горечью констатировал включение в «систему» практически всего общества). И это было совершенно оправданно, ибо как иначе можно достичь такой цели в обществах с сильной социальной дифференциацией, которой соответствует не менее резкое дробление по идеологическому признаку?

Но когда западный Модерн начал клониться к закату, там тоже начался процесс, весьма похожий на присущее «русской идеологии» стремление к иррациональной обработке заимствованных идеологий — только идеологии эти заимствова-

лись из собственного относительно недавнего прошлого. Появились многочисленные продукты политической мысли с приставкой «нео». И что же, разве можно утверждать, что, изучая все эти «нео», не трудно выявить их социальный субстрат или, если угодно, «классовую основу»? Нет, все это было возможно по отношению к «большим идеологиям» Модерна; относительно же разного рода «неотроцкизм», «неокоммунизм», «неолиберализм» и «неоконсерватизм» и сейчас можно только сказать: они отражают лишь то, что произошли какие-то общественные сдвиги.

Но ведь не поступают же западные разработчики социальных теорий так «нерационально» и, по современным критериям «ненаучно» потому, что плохо образованы и отстали в своем умственном развитии? Просто Запад сейчас столкнулся с проблемой, которая для России не является совсем уж новой — проблемой «идеологического» обеспечения ценности неустранимо фрагментированного общества, с которой классическим идеологиям справиться оказалось не по силам. Конечно, все это происходит на Западе на ином основании, чем в России, которая на протяжении своей истории справлялась с похожей проблемой путем выработки новых вариантов «русской идеологии». И, тем не менее, не идем ли мы по тому же пути, что и Запад хотя бы только в сфере эволюции политической мысли?

ОБЩНОСТИ И «ИЗМЫ» ^{О.Б. Подвинцев}

Подвинцев Олег Борисович — доктор политических наук, директор Пермского филиала института философии и права УрО РАН по исследованию политических институтов и процессов

сложившаяся человеческая общность, прочно связанная той же традицией, вырастающая вместе с ней и определяемая самоидентификацией своих членов. Разновидностями таких общностей являются «нация», «государство», «церковь».

У представителей одной и той же нации может быть совершенно различная система идентификации, ориентированная на различные формы национальной (например русские) субнациональной (например казаки) и наднациональной (например «советский народ») общностей. То же можно сказать и о государственных формах. Любая из них, будучи осуществленной на практике, рождает определенную традицию, которая, в свою очередь, может стать основой для формирования той или иной, консервативной по своим ценностным основам, идеологии. Причем близость их существенных характеристик может вести, как часто бывает в политике, не к сотрудничеству, а к особенно яростному соперничеству исповедующих их партий друг с другом. Примером может служить Франция времен становления III Республики, когда консервативно-монархический лагерь был раздираем противоречиями между сторонниками трех династий — Легитимистами, Орлеанистами и Бонапартистами, каждой из которых соответствовала своя традиция и конкретная исторически выверенная форма политического режима и устройства государства.

Различные формы «общности» из консервативного набора ценностей несут на себе разновесную эмоциональную, теоретическую и собственно политическую нагрузку. Немецкий политолог Эгберт Ян отмечает, например, что консервативные авторы, особенно после второй мировой войны,

Основной ценностью для консервативных и вообще «правых» (в изначальной трактовке) политических сил принято считать «традицию». Однако, редко встречаются апологии традиции как некоей бестелесной эфемерной субстанции. Действительно, «традиция» не может существовать сама по себе, в отрыве от конкретного носителя. Этим носителем является та или иная достаточно давно

весьма осторожно подходят ко всему, что касается понятия «нация» и «предпочитают выражения типа «здоровое» или «нормальное», «умеренное национальное сознание». (1) Действительно, Дж. Оруэлл в 1945 г. выступил со своим знаменитым эссе, в котором трактовал «национализм» чрезвычайно расширительно — как «привычку считать, что человеческие существа можно классифицировать как насекомых, и что к миллионам, а то и к десяткам миллионов людей могут быть, ничтоже сумняшеся, приклеены ярлыки «хорошие» или «плохие». (2) Этот подход, по понятным причинам, разделялся тогда многими.

В дальнейшем внутри консервативного лагеря стали звучать призывы к возрождению «национализма», неизменно сопровождаемые, однако, оговорками. Характерным примером в данном случае могут служить рассуждения Д. Хауэлла, бывшего директора политического центра консервативной партии Великобритании, некоторое время состоявшего затем членом кабинета М. Тэтчер. «Великие тори прошлого, — писал Хауэлл в пору своего пребывания на министерском посту, — были националистами в особом смысле, в каком должны быть ими и мы. Националистами не того склочного сорта, что постоянно только и смотрят на заграничных дьяволов, дабы обвинять их во всех грехах, а просто сознающими, что каждая нация отличается от других и, следовательно, комфортно существует лишь со своими собственными институтами и специфическими странностями и что эти специфические особенности, по сути, есть неотъемлемая часть национального бытия, лишившись которой народ ощущает потерянность и тревогу» (3).

В отличие от «национализма», признание в «патриотизме» обычно не требует каких-либо пояснений. За некоторым исключением (например, политической риторики и публицистики первых лет советской власти в России), слово это имело и имеет однозначно позитивную эмоциональную и смысловую окраску. Тот же Оруэлл под «патриотизмом» понимал «приверженность человека к определенному месту и определенному образу жизни, которые он считает лучшими в мире, но при этом не имеет желания навязать их силой другим людям» (4). Оруэлл полагал также, что «патриотизм является своего рода прививкой против национализма» (5). Призывая отказаться от деления на «плохих» и «хороших», он сам, фактически, исходил из него, противопоставляя «националистов» и «патриотов». В дальнейшем такой подход сказался на трактовке природы наций и анализе национальных конфликтов. Р. Брубейкер охарактеризовал противопоставление «хорошего/гражданского» и «плохого/этнического» типов национализма как «манихейство» (6).

С нашей точки зрения, различие между «национализмом» и «патриотизмом» заключается не в том, в чем видел его Оруэлл. «Национализм» есть приверженность интересам своей нации, точно так же, как «патриотизм» есть приверженность интересам своей страны (государства). Особой формой или уровнем национализма является «расизм», а патриотизма — «шовинизм» (в английской терминологии «джингоизм»). Тот и другой несут в себе идею превосходства. Национализм и патриотизм, таким образом, основываются на разных типах исторической общности, каждая из которых, тем

не менее, является неким «братством» и заключает в себе определенную традицию; в их происхождении и сущности немало общего.

Известный английский исследователь проблем национализма Э. Геллнер следующим образом трактовал проблему соотношения этих двух типов человеческой общности: «Фактически нации, как и государства — всего лишь случайность, а не всеобщая необходимость. Ни нация, ни государство не существуют вне времени и при любых обстоятельствах. Более того, нации и государства — случайности не одного и того же свойства. ... Государство, безусловно, возникло без помощи нации. Некоторые нации, безусловно, сложились без благословения своего собственного государства» (7). Далее Геллнер, исходя, очевидно, из того, что всякое национальное движение имеет целью создание государства, утверждал, что «национализм является очень специфической разновидностью патриотизма» (8). Однако, это, фактически, противоречит его же суждению, приведенному выше. Если «нация» и «государство» равноценные по своей значимости общности, вовсе не обязательно обуславливающие друг друга, то, следовательно, «патриотизм» и «национализм» также явления и понятия одного и того же порядка, а вовсе не включают одно другое.

При этом, вероятно, не следует определять один тип общности как «хороший», а второй как «плохой», а, следовательно, и противопоставлять по этому принципу патриотизм и национализм. Э. Ян полагает, что «если придавать разные значения термину «патриотизм» и «национализм», то неразумно связывать первый с демократией, а второй — с недемократическими режимами», и далее определяет «патриотизм» как «территориальный национализм (отечественный национализм), который можно обнаружить преимущественно у оседлых и государственно организованных народов», а «национализм» как «персональный национализм (народный национализм), который встречается, главным образом, у мобильных народов или у народов без собственного государства». «В науке не существует наряду с исследованием национализма никакого особого исследования патриотизма» — констатирует Ян далее (9).

Несколько иной точки зрения придерживается известный британский специалист в области политической теории, главный редактор «Блэквелловской энциклопедии политической мысли», Дэвид Миллер. Он полагает, что патриотизм, в отличие от национализма, является «более старой идеей», но при этом не отягощен теоретическим багажом, может вытекать из простой привязанности к конкретной местности или определенному стилю жизни, не нуждается в «некоей абстрактной идее «страны». «Патриотизм в действительности в большей степени чувство, чем политическая идея...» — утверждает Миллер (10).

Отмечая, что патриотизм наиболее естественным образом может быть сопряжен с консерватизмом, Д. Миллер считает необходимым отметить часто встречающуюся в XX веке широкую апелляцию к патриотическим чувствам в странах с социалистическими режимами. В качестве примера при этом упоминается, что Великая Отечественная война в СССР трактовалась преимущественно с патриотических позиций. Вопрос о соотношении «патриотических» и «социалистических»

ценностей в идеологии и политике СССР, а также динамике изменения данного соотношения, в целом весьма неоднозначен. Необходимо, однако, констатировать, что в новейшее время на позициях патриотизма, так или иначе, оказались представители самых различных политических течений (включая либеральные и социалистические). «Национальные интересы» являются наиболее распространенной в наши дни политической мотивацией, особенно в вопросах внешней политики. Хотя из идеи свободы наиболее органично вытекает принцип космополитизма, а из идеи справедливости — интернационализма.

Интересы нации и созданного ею государства, в том или ином варианте трактовки их консерваторами, могут противопоставляться. Но в большинстве случаев интегрированной ценностью современного консерватизма является общность, выражаемая формулой нация/государство (в частности, именно ее называют в первую очередь лидеры британских консерваторов). При этом акцент обычно делается на втором, а не первом элементе данной формулы, и под «нацией» подразумевается, прежде всего, этатистская или, по крайней мере, метаэтническая общность. Преобладание этатистской компоненты сохраняется и при трактовке данной ценности в экстремистском ключе. Уместно отметить, например, что французский исследователь Ж. Де Пуимеж характеризует шовинизм как «религию Государства-нации, созданную на потребу воюющему народу» (11).

Получающий в последнее время все более широкое признание термин «глокализация», с нашей точки зрения, наиболее точно отражает характер изменений, происходящих в современном мире — не только в том, что касается перераспределения властных полномочий, но и в том, что связано с трансформацией сложившейся иерархии идентификаций. Прежние границы между государствами и между нациями размываются, теряют былое значение в условиях взаимосвязанных интеграционных и дезинтеграционных процессов. Больше, чем раньше, значение начинают приобретать другие типы общностей. Вполне возможно, что уже через два-три десятилетия на карте мира ведущее значение будут иметь не современные государства, а наднациональные образования в рамках глобальных регионов, подразделяющиеся на регионы локальные. Соответствующим образом меняются и стереотипы политического сознания. В этих условиях проблемы мира и безопасности в обозримом будущем, вполне вероятно, надо будет в большей степени связывать не с международными отношениями, а с отношениями между регионами на макро- и микроуровнях. Это касается и конфликтов идентификаций, обычно наиболее сложных для разрешения, поскольку в их основе лежит не различие интересов или ценностей, а накопленные обиды, иррациональный страх, зависть и т.д.

Уже в настоящее время можно наблюдать ситуации, когда неприязнь и рознь, возникающие на линиях разграничения региональных идентификаций, потенциально становятся не менее опасными, чем межнациональные или даже межгосударственные конфликты.

Одним из таких случаев, на наш взгляд, является отношение части москвичей к провинциалам и части провинциалов к москвичам в постсоветской России. К обычному противостоянию столи-

цы и провинции здесь добавляется целый ряд дополнительных обстоятельств, обостряющих конфликт. Во-первых, Москва — один из немногих регионов советской империи, успешно адаптировавшийся в новых условиях, возникших после ее распада, уровень и стандарты жизни здесь значительно выше общероссийских. Во-вторых, традиции политической централизации в России были особенно сильны и провинция, как правило, в отношениях со столицей выступала в роли просителя. Ныне же, после распада империи, политическое пространство страны продолжает оставаться мозаичным, а политическая система довольно рыхлой и неустойчивой. Региональные элиты почувствовали себя достаточно уверенно и зачастую стремятся использовать Москву в образе врага для дальнейшего укрепления своих позиций. В-третьих, распад империи разрушил и прежнюю систему идентификаций и породил в этом смысле вакуум в политическом сознании россиян, который не смогла заполнить никакая «национальная идея». В этих условиях рост региональных идеологий и регионалистских устремлений происходит особенно быстро. Перечень таких факторов, влияющих на противопоставление Москвы другим регионам в сознании россиян, вероятно, может быть продолжен.

В существующих обстоятельствах, с нашей точки зрения, можно говорить о формировании и противопоставлении «московской» и «антимосковской» (по аналогии с «антисемитской», «антикоммунистической» и т.д.) идентификаций. Их конфликт, по мере своего развития, неизбежно получает определенное идеологическое обоснование с той и с другой стороны. Степень и характер этого обоснования могут служить основой для оценки состояния конфликта и перспектив его дальнейшего развития. Для обозначения форм политического сознания участников данного противостояния, с нашей точки зрения, могут использоваться термины «москвизм» и «антимосквизм».

Уже сейчас данный конфликт идентификаций, зачастую, проявляет себя в экстремистских или близких к ним формах. С одной стороны, прежний погромный националистический лозунг «Россия — для русских», в устах московских скинхедов и представителей некоторых других молодежных (и не только) группировок получил в настоящее время продолжение: «Москва — для москвичей». С другой стороны, известно, например, достаточно много случаев, когда в ходе предвыборных кампаний в регионах (прежде всего губернаторских) со стороны групп поддержки ведущих кандидатов звучали призывы «не допустить захвата региона москвичами», «остановить кандидата, за которым стоят мафиозные круги Москвы и Израиля» и т.д. В определенных кругах высказывается и идея «похода на Москву».

Данный пример, по нашему мнению, показывает, что понятийный ряд, обозначающий типы идеологий и исповедующих их политических движений, в основе которых лежит приоритет интересов той или иной общности, в ближайшее время будет дополнен. И если термин «регионализм» вполне употребим для обозначения в целом политических сил, ставящих на первое место интересы того или иного региона, то термин для обозначения экстремистского выражения данного феномена, возникающего, когда та или иная региональ-

ная общность и ее представители ставятся выше или объявляются лучше, чем какие-то другие или все остальные вообще, пока не найден.

¹ Ян Э. Исследования проблем мира в период и после конфликта «Восток-Запад». Статьи последних 20 лет. Munster; Hamburg; M., 1997. С. 257.

² Оруэлл Дж. Заметки о национализме. // Оруэлл Дж. Проза отчаяния и надежды. Л., 1990. С. 335-336.

³ Howell D. The Conservative Tradition and the 1980s. Three Gifts of Insight Restored. L., 1980. P. 6.

⁴ Оруэлл Дж. Заметки о национализме. С. 336.

⁵ Там же. С. 357.

⁶ См.: Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма. / AV IMPERIO. — 2000. — №1. С. 151-165, №2. С. 247-268.

⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 34.

⁸ Там же. С. 280. «Националисты, как правило, возмущались распределением политической власти и установлением политических границ, но они едва ли имели случай посоветовать на полное отсутствие и границ, и власти» — отмечал Геллнер и делал вывод, что «проблема национализма не возникает, когда нет государства». (Там же. С. 30, 32.).

⁹ Ян Э. Цит. соч. С. 259.

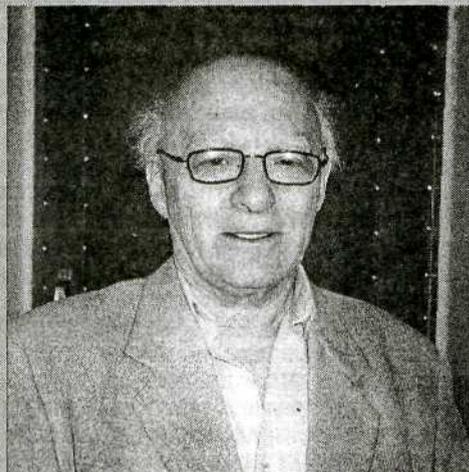
¹⁰ The Blackwell Encyclopedia of Political Thought. Oxford, 1997. P. 369.

¹¹ Ibidem..

КОНЦЕПЦИЯ СЛОВАРЯ. А.С. Ахиезер

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Ахиезер
Александр Самойлович —
доктор философских наук,
Ведущий научный сотрудник Института
народнохозяйственного прогнозирования
РАН.

От редакции

Известный российский философ А.С. Ахиезер является автором социокультурного словаря. (Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта, М. В 3-х Т. 1991. Т. 3; 2-е изд. Новосибирск, 1997-98, в 2-х Т. Т. 2). Он продолжает работу над словарем и согласился предоставить для наших читателей некоторые новые материалы, включая краткое изложение концепции словаря. Далее публикуется статья словаря «Срединная культура», написанная бывшим докторантом А.С. Ахиезера доктором культурологии А.П. Давыдовым.

КОНЦЕПЦИЯ

Человек есть СУБЪЕКТ, т.е. источник, носитель творческой СПОСОБНОСТИ, источник РЕФЛЕКСИИ, способности САМОРАЗВИТИЯ, способности делать себя, свою культуру, свое отношение (формы общения) предметом познания

и деятельности, способности воспроизводить себя, обеспечивать собственную выживаемость, жизнеспособность. Человек субъект СПОСОБНОСТИ развивать, углублять собственные способности. Он способен ОСВАИВАТЬ себя, окружающий мир, т.е. превращать внешнее, неосвоенное в содержание своего сознания, своей культуры, деятельности, своих способностей, включать естественное, природное в содержание своего Я, в содержание своего сознания, (суб)культуры, смыслов, деятельности. Освоение включает как адаптацию к ранее сложившимся элементам реальности, так и противостояние им. Освоение есть, прежде всего, сложившихся проблем, сложившейся способности их формулировать и разрешать. Освоение выступает через ОСМЫСЛЕНИЕ и ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ мира, как постоянно возникающие, переходящие друг в друга СМЫСЛЫ, эти бесчисленные изменяющиеся молекулы культуры. Освоение, деятельное отношение к самому себе выступает в форме КУЛЬТУРЫ — постоянно определенным образом организуемой субъектом; через организацию накопленного опыта субъекта, человечества.

В процессе освоения человеческой реальности люди устанавливают между собой определенные отношения, ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ. Они есть изменяющаяся организация людей, составляющих более или менее целостное (СО)ОБЩЕСТВО, т.е. образуемая людьми целостность, функционирование которой направлено на собственное воспроизводство.

Субъектом освоения, осмысления есть, прежде всего, ЛИЧНОСТЬ, т.е. единственный фокус способностей, творческой рефлексии, создатель культуры, ее реализации. Одновременно субъект выступает как СУБЪЕКТ-(СО)ОБЩЕСТВО, т.е. социокультурная целостность (противоречивое единство (суб)культуры и форм общения), формирующаяся как реализация способности человека решать свои проблемы, обеспечивать свою выживаемость через других людей. Реальный субъект в обществе выступает как противоречивое единство личности и (со)общества, как диалог между ними, как поиск конкретно-исторической меняющейся меры между ними. Эта мера сдвигается к полюсу личности в процессе роста творческого потенциала личности, но не исключен сдвиг в противополо-